

Я НЕ знаю, верил ли в судьбу Марк Львович Слоним. Силует его в статье «Доброй памяти» («Русская Мысль», от 13 мая с. г.), столь четко набросанный Сергеем Миличем Рафальским, невольно наводит на этот вопрос. Думаю, что ему было бы «к лицу» верить. Его жизнь была не только причудливой — в созвучии с эпохой, но не раз покойный подвергался непосредственной опасности, не раз был вынужден рисковать, очень часто «плыл против течения», а вот многогранное сердце служило до восьмидесяти двух лет.

Два года назад архиепископ Сан-Францисский Иоанн Шаховской остроумно и верно сказал М. Л., приближавшемуся тогда к юбилею: «...Не вас жалеть надо, а вашего ангела-хранителя, сколько у него беспокойства было за все ваше бурное существование...».

Марк Львович не страшился бурь. Он принадлежал к русской интеллигентной элите: отец и старший брат — адвокаты, мать из литературной семьи Айхенвальдов, увлекалась музыкой, отлично знала языки, переводила с французского; путешествуя с ней по Италии, М. Л. уже двенадцати лет научился итальянскому и, окончив с серебряной медалью классическую гимназию в Одессе, поступил в Институт высших наук во Флоренции, мечта стать специалистом по истории эпохи Возрождения. Неудивительно, что, будучи «возрожденцем по духу», он по-своему включился в исторические процессы «серебряного века» в России, прерванные Первой мировой войной и Февральской революцией. Он вступил в эсерскую партию, выделился как первоклассный оратор и стал «самым младшим», членом Учредительного Собрания, а после разгона 5 января 1918 года этого «Всероссийского вече» ушел в политическое подполье, продолжая яростную борьбу с большевистской диктатурой. Летом 1918 года, по поручению эсерского центра, под чужим именем пробрался из Киева через Великобританию на Волгу, где уже полыхали антибольшевистские восстания. При переходе «фронта» был

НИК. АНДРЕЕВ

П Р И Щ У Р С У Д Ь Б Ы

(Памяти М. Л. Слонима)

арестован красногвардейцами, его ждал расстрел, но он разогнал часового, караулившего М. Л. в сарае, и оба они бежали в Вольск, где М. Л. попал в руководство восставшими. Затем он, опять в качестве «самого молодого», вошел в Самару в Комитет Учредительного Собрания, который тогда являлся правительством освобожденных от большевиков волжских и уральских областей. Осенью 1918 года М. Л. стал секретарем Уфимского Собрания, на котором была выбрана так называемая Директория (М. Л. заведывал при ней отделом информации).

После перехода власти к адмиралу Колчаку, провозглашенному Верховным правителем России, М. Л. пришлось опять перейти на нелегальное положение и, после блужданий по Сибири, он выехал в 1919 году из Владивостока в Японию под именем доктора Аратова. Политическая позиция его определялась, как позиция «нииниста»: «Ни Ленин, ни Колчак». Совершив «кругосветное путешествие», М. Л. оказался в 1920 году в Европе, где он развил кипучую деятельность. Во Флоренции он получил университетский диплом, завершив свои занятия, прерванные сначала в Италии Первой мировой войной, а затем в Петроградском университете Февральской революцией. Писал он в итальянской прессе, выпустил несколько политико-исторических и литературных публикаций по-итальянски, — особенно большой успех выпал книге «От Петра Великого до Ленина», впоследствии, в переводе на французский, выдержавшей тринадцать изданий. «По-видимому, я казался издателям и читателям Колумбом, открывшим для них загадочную российскую Америку», — вспоминал об этом не без юмора М. Л. Одновременно он возобновил свои писания как публицист в эсерских изданиях и вошел в

партийную работу, будучи в период 1923-1927 годов членом Заграничной делегации партии социалистов-революционеров, — благодаря отличному знанию шести современных языков, М. Л. выполнял важные функции по связи эсеров с иностранным миром. В частности, в 1926 году он ездил в течение шести месяцев по Соединенным Штатам с лекциями, собирая средства для политических заключенных в Советском Союзе (он читал в разных районах страны на разных языках: конечно, по-английски,

писал в американских изданиях, а с 1950 года начал издавать по-английски книги по истории русской литературы, русского театра, по истории советской литературы, давшие ему большую известность в разных странах. Выйдя в отставку со званием «заслуженного профессора», М. Л. поселился в 1963 году в Женеве и до 1970 года состоял директором «европейской программы для американских студентов» и ряд лет был также директором американской школы во Флоренции (школа — для изуче-

М. Л. СЛОНИМ

иногда по-русски, в Нью-Орлеане по-французски, в Детройте по-итальянски), — всего он прочит свыше пятидесяти лекций, — некоторые из них сопровождались скандалами и даже драками: «Правда о коммунистической диктатуре кое-кому не очень нравилась», — объяснял М. Л.

С 1922 года он стал членом редакции журнала «Воля России», который издавался в Праге десять лет (сам М. Л. описал этот важный в истории эмиграции эпизод в ценном очерке в томе «Русская литература в эмиграции», под ред. Н. П. Полторацкого, Питтсбург, 1972 г.). В 1931 году М. Л. стал в Париже редактором литературного двухнедельника «Новая Газета», производящего большое впечатление и своим содержанием, острым и высокого уровня, и своим «модерным» типографским оформлением. Он все время продолжал свою переводческую, публицистическую и политическую деятельность. В 1937-38 году участвовал в «Вестнике Оборонительского движения», — это движение, причудливое по «составу» (чуть ли не от генерала Деникина от младороссов, от еврейцев, от крестороссов и до меньшевиков, конечно, в «личном порядке»), разливалось по эмиграции, осознававшей хищнически планы нацистской Германии в отношении России — «восточного пространства».

Расположение по всей Европе «тысячелетнего Рейха» создало непосредственную опасность для М. Л., и в 1941 году ему удалось покинуть оккупированную Францию и с большими мытарствами и «испытанием судьбы» в концлагере в Дакре добраться до Нью-Йорка, где он сотрудничал и в русской прессе (начиная с «Нового Русского Слова»), но с 1943 года, когда он начал преподавать русскую и европейскую литературы в Сара Лоренс Колледж, он все больше

эпохи Возрождения). С 1964 года он начал сотрудничать с радио «Свобода» и «наговорил» сотни радиопрограмм по вопросам русской и иностранной литературы, адресованных советской аудитории. Продолжал он писать и в эмигрантской, и иностранной прессе.

Марк Львович и умер «на посту»: только что, как сообщил он мне в письме, отосланном за четыре дня до смерти, «я закончил несколько новых глав по-английски по истории советской литературы, которые отправил в Оксфорд, где переиздается пересмотренный и дополненный том этих моих очерков».

У покойного были редкое ощущение России и вера в органические ее силы (несколько по Блоку: «...Не пропадешь, не сгинешь ты...»), — недаром он принадлежал к немарксистским русским социалистам, которым русское крестьянство вручило «мандат доверия», дав эсерам подавляющее большинство в Учредительном Собрании. И эта оптимистическая «народническая закуска» соединилась у М. Л. с его «ренессансной склонностью» и с элементами универсальности, нередко свойственной представителями кругов высокой интеллигенции. Он всю жизнь был непримирим к диктатурам, но также всю жизнь «оказывал кредит» «живым силам страны».

В области литературы М. Л., если чувствовал какой-то «талант», «принимал человека целиком», открывая для него «зеленый огонь», поддержки и поощрения, — однако, сие было далеко от «утверждения навек». М. Л. отчетливо ощущал движение в литературных явлениях. Он в свое время выдвигал, как прозаика, Гайто Газданова. После сравнительно недавней смерти Георгия Ивановича, М. Л., тепло вспоминая его в письме ко мне, сделал характерное замечание: «...первый его роман «Вечер у

Клар» оказался все же лучшим из всего им написанного...».

Я общался с М. Л. всегда только по литературным делам. Он и письма мне писал обычно «по поводу» — той или другой книги, литературных событий, смерти литературного единомышленника или литературного противника. Мне очень нравилось, что мой первый редактор, введший меня когда-то в «Волю России», иногда писал мне по поводу какой-либо моей недавней статьи и даже запрашивал «комментарий» о некоторых моих эпитетах в отношении разных авторов или книг. Для меня были драгоценны его печатные одобрения моих критических установок или оценка меня, «как прирожденного лектора». Вероятно, здесь сказывались отношения, сложившиеся еще в двадцатые и тридцатые годы, когда М. Л. поощрял «молодые кадры», и в Париже на собраниях литературного содружества «Кочевье». И тогда и теперь он был всепонимающим, во всем осведомленным, остроумным, находчив, опасен в полемике и душевно добр. Расхождение во взглядах не отменяло дружеских отношений, — по истине, редчайшая и драгоценнейшая черта и не только в нашу эпоху.

М. Л. всегда сомневался в «полезности» для русских авторов «литературного бытия» вне России, — на эту тему велась острая полемика в первое семилетие эмиграции (особенно с Антоном Крайним, т. е. З. Н. Гиппиус). Отчасти поэтому М. Л. страстно искал «живую литературу» на родине. И надо ясно представить себе, как он встрепенулся, когда началась явления оттепели и какая радость охватила его, когда возникло явление Солженицына и все то, что обобщается понятием **инакомыслие**. Его описание личного знакомства с Солженицыным в квартире М. Л. (как и с другими новейшими авторами) в письме ко мне, полно ликования...

По инициативе М. Л., был организован «цикл» моих лекций в Швейцарии, — мы надеялись встретиться и «обсудить многое», а «может быть, и поспорить» или «уточнить», «не вполне договоренное в статьях».

Но — прищур судьбы: врач предписал ему полнейший и немелланный покой, и первое, что, сойдя с самолета, я услышал

десятого мая сего года от главы Русского отдела Женевского университета профессора Нива: «Марк Львович умер позавчера...».

И моя открытая для широкой публики лекция в «Слонимском кружке», как в просторечии зовется волная трибуна при университете (где — по инициативе М. Л. и проф. Окуatorie, а ныне под председательством проф. Нива — звучат свободные голоса русских писателей, поэтов, ученых), открылась словами памяти покойного: говорили проф. Г. Нива и Н. Е. Андреев, знавший М. Л. около полувека. Память М. Л. почтена вставанием.

И такое же поминовение перед моей лекцией в Лозаннском университете, где глава Русского отдела, профессор Р. Кембал, очень сердечно охарактеризовал покойного как «одного из ведущих представителей русской колонии в Швейцарии», как достойного представителя «великой русской культуры».

Мне не удалось (из-за лекций, назначенных вне Женевы) быть на отпевании М. Л. в православном женевском соборе, но на парижской 13 мая там же я присутствовал и с удовлетворением отметил, что были хорошо представлены и швейцарские слависты, и представители города, и русские женевцы (в том числе сотрудники ООН) и русские литераторы (были и редактор «Русской Мысли», писатель, поэт, публицист — З. А. Шаховская, писатель и поэт Вадим Леонидович Андреев, скончавшийся спустя четыре дня, и писатель и публицист Владимир Сергеевич Варшавский...).

Целую руку жене М. Л. Татьяне Владимировне, я мысленно поблагодарил ее за то, что она так долго и бережно сохраняла для всех нас своего мужа.

Я помню, как им восхищались в Праге старые, «кондовые», бордато-очкастые эсеры, называя его, всегда подтянутого, элегантно одетого, подстриженного, тщательно выбритого, динамичного, неутомимого М. Л. — «наш Марк». Я эсером не был, но восхищаюсь нашим Марком Львовичем, который столь ярко воплотил в себе традиции русской интеллигенции и который пронес сквозь всю бесстрашную жизнь тот огонь души, который столь важен для всех: одних он опалит, других согревает, а некоторым вселяет стремление разжечь и собственный пламень. Эта **пламенность** и есть то, что следовало бы воспринять, как нам оставленный завет Марка Львовича Слонима.

Кембридж 1976.

Мы хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.

Рим, 5, 11

Русская Евангельская Церковь

3, rue Georges-Sorel, Boulogne-s/Seine, Métro: Marcel Sembat

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ ПРОИСХОДЯТ

По ВОСКРЕСЕНЬЯМ и СРЕДАМ каждую неделю в 17 часов — 3, rue Жорж Сорель.

Вход на все собрания свободный.

Лица немощные могут получить Библию бесплатно по адресу церкви лично и по почте.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Илья Зильберберг

Необходимый разговор с Солженицыным

Автор этой книги рассказывает о событиях, к которым он оказался причастен вместе с Солженицыным, о роли в них Солженицына и других участников.

Он также говорит о том, как эти общие для них события, как общие взгляды, мысли, чувства не объединили, а разобщили их — из-за различия в понимании и осуществлении того, что именуется человеческими отношениями, моральными принципами, противостоянием злу. Видя в таком разобщении и различии одну из основных проблем современности, автор пытается понять их истоки и преодолеть их.

Англия 1976, 188 стр.

ДМ. 12.—

A. Neimans - Buchvertrieb
8 München 40 — Bauer Str. 28
GERMANY Tél. 37-05-34

НАШ ДВУХГОДИЧНЫЙ БОЛЬШОЙ КАТАЛОГ НА 1976/1977 гг. выйдет осенью этого года.

НОВЫЕ ПЛАСТИНКИ!

Е. Разиной

старинные русские и цыганские песни

продаются в магазинах:

Sialsky — 2, rue Pierre le Grand, Paris 8; O.S.I. Disques — 26, rue des Rosiers, Paris 4; Les Editeurs Réunis — 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris 5.

Библиотека им. Тургенева

11, rue de VALENCE — PARIS V

Tél. 535 58-51

25.000 ТОМОВ — ВЫДАЧА КНИГ НА ДОМ

УЧЕБНИКИ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Библиотека открыта по вторникам, четвергам и субботам с 15 до 19 час.

Автобусы: 27, 47, 83, 91

Métro: Gobelins, Censier-Daubenton

ТУРГЕНЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

будет закрыта в течение всего месяца августа, кроме вторника 17 августа, когда она будет открыта в обычные часы.